

Юрий СОЛОМИН:

Ленинградская правда — 1990 — 20 сент.
Актуальное интервью

«Я ПРИШЕЛ, ЧТОБЫ ПОМОЧЬ...»

МНЕ КАЖЕТСЯ, что нам, россиянам, повезло с министром культуры. Во всяком случае, после беседы с Юрием Соломиным в Москве я могу совершенно определенно это утверждать: популярный, любимый актер, профессионал в своем деле — обаятельный и в то же время очень решительный и убежденный человек.

При кажущейся мягкости человек твердый и непреклонный в вопросах принципиальных, и я уверена, что, когда этого потребуют интересы культуры, Юрий Соломин будет стоять до конца и не уступит, хотя ему будет очень и очень трудно, как трудно сейчас всем думающим и честным людям, пришедшим в наше российское руководство разгребать завалы, оставленные предшественниками, как

— Конечно, депутаты не такие наивные, чтобы выбрать министра культуры России только за то, что он снимался в фильме «Адъютант его превосходительства». Считать так было бы неуважением к депутатскому корпусу. Конечно, там есть люди разные, но все они бьются над решением важнейших проблем нашей жизни.

Меня знают не только как артиста, но и как художественного руководителя Малого театра в последние два года. Кроме того, я занимаюсь и общественной деятельностью всю жизнь. Одним словом, депутаты отдавали себе отчет, что в искусстве я не первый год, слава Богу, 33 года актерской, режиссерской, педагогической деятельности! А то, что они аплодисментами встретили артиста, выдвинутого на пост министра культуры, это просто говорит об их культурном уровне. Если бы они этого не сделали, то, наверное, я бы не сказал «да», потому что это значило, они не знают, кого выбирают.

Когда же встал вопрос о программе, то тут уже я им задал вопрос — почему вы не приняли закон о культуре? Вот когда депутаты примут закон о культуре, я готов тут же расказать о программе. Значит, пока нет этого закона, говорить не о чем. Депутаты это поняли и поверили мне на слово.

— А кто должен разрабатывать закон о культуре?

— Это второй вопрос. Вот вы видели «талмуд», который я только что отдал своему заму. Это известный документ, программа Шаталина и Явлинского. Мы с проблемами культуры должны вписаться в предложенные ими 500 дней. Должны дать свои предложения по развитию культуры, то есть то, чем и должно было заниматься наше министерство. Я только начинаю во все входить и вижу, что трудно даже найти, кто кому подчиняется. Есть союзные, есть российские организации. Вообще я — за концентрацию власти, тогда будет реальная ответственность и возможность спросить с того или иного человека.

— Вернемся к закону о культуре.

— Да. Но, во-первых, искусство и культура — это вещи разные. Так я понимаю. Искусство — это та часть, в которую входят творческие союзы, где может быть какая-то материальная отдача, где можно что-то получить. От культуры мы ничего получить не можем, никаких денег, туда можем только вкладывать. Так было во все времена у всех народов и так по сегодняшний день происходит во всех цивилизованных государствах. Только вкладывая в культуру, можно получить отдачу во всех других областях: и в экономике, и в политике, и в промышленности. Я уж не говорю о нравственном уровне народа.

На сегодня положение в нашей экономике очень простое, правда? И те деньги, которые мы будем просить вложить в культуру на 1991 год, я понимаю, что этих денег нам могут не дать, просто потому, что их нет. Хотя разговаривая со своим российским руководством, я пока получаю полную поддержку всех предложений. Может быть, я лирик, но уверен, что нам все же добавят денег. Но этого все равно будет мало. И вот тут уже должен действовать Закон о культуре. Должен быть закон для государственных организаций, для Советов, которые были бы ответственны за то, что у них делается.

Что я имею в виду? Сейчас местные власти абсолютно свободны от забот о культуре. Знаю точно, потому что проехал Россию вдоль и поперек. В тех городах, где руководство ходит в театры, на концерты и вообще интересуется этим делом, там и театры более-менее в порядке, и концерты проходят, и выставки организуются, есть хоть один музей. Предприятия как-то это все поддерживают. Такие города есть. Но в основном у нас культура бесхозна: это развалины театров, разрушающиеся библиотеки. Сейчас отовсюду идут сигналы

трудно людям, которые думают не о себе, а о деле.

Придя на этот пост, Юрий Соломин пожертвовал многим: новыми работами в театре, новыми киноролями, уже не говоря о времени и о душевных силах, которые придется принести на алтарь нашей российской культуры. Удачи ему!

Говорили мы долго и о многом, но вначале я попросила Юрия Мефодьевича рассказать, как же все-таки его утверждали, ибо в той информации, которая была в прессе, получалось, что вышел Соломин, депутаты ему хлопали и утвердили. Как-то несерьезно. Так ли было? С этого вопроса и началась наша беседа с министром культуры России.

бедствия. Вот недавно поступил сигнал из Иркутска — разваливается библиотека. Я думаю, что там книжный фонд очень крупный, ибо в Иркутске несколько столетий было сосредоточение русской интеллигенции, не говоря уж о декабристах, это само собой, но и до них там и купцы-то были образованные.

Я сам из этих мест, из Забайкалья, и знаю, какие там есть богатства именно в этой области. Вот у нас в Чите, например, была церковь декабристов. Построена их руками, по бревнышку. Там есть и дома декабристов. Все это было разрушено, мы мальчишками бегали по развалинам. Несколько лет назад я был в этих местах, и мне рассказали такую историю. Один из директоров завода еще в те годы, когда никто об этом не думал, взял эти дома на свой баланс и восстановил их. В одном каком-то сделал свою контору и т. д., но за это он был строжайшим образом наказан. А сегодня вся Чита его вспоминает.

В церкви, которую, кстати, восстанавливали наши ленинградские реставраторы, создан прекрасный музей. И спас всю эту красоту директор завода. Почему? Да потому что он любил историю, любил свой народ, любил то место, где он жил! Понимаете! И я считаю, что должна на доме висеть доска: «Спасибо такому-то за то, что он сохранил это!» Поэтому я и говорю, что если руководитель любит искусство, то он что-то и для города делает.

— Но люди не должны зависть от пристрастий того или иного руководителя.

— Совершенно верно, поэтому должен быть закон, который бы спрашивал не только за промышленность, сельское хозяйство, но и за культуру. Я думаю, что Советы, мэры, одним словом, власти города должны заключать договор с учреждениями культуры, как это делается на Западе, о создании условий для работы, о предоставлении квартир и т. д.

Вот я вам приведу пример. В Тольятти есть театр, руководит им режиссер Дроздов, человек очень одаренный, творческий. Театр этот — хозрасчетный, работает уже несколько лет, и актеры там получают зарплату не такую, как в наших театрах, а в 2—3 раза больше. Театр заключил договор с руководством города, у театра есть спонсоры, они дали актерам квартиры на время работы в этом театре, т. е. создали условия, и тогда пошли хорошие профессионалы. Я знаю, что завлит у них Пашнев, драматург, сценарист, создал там художественную газету и т. д.

Все это потому, что театру помогают власти, они думают о развитии культуры, понимая, что тогда и трудящиеся завода станут работать лучше. Или еще пример. Недавно я смотрел по ТВ передачу, то-

же из Тольятти. Там выступил наш ансамбль «Виртуозы Москвы», сам Спиваков. Оказалось, автомобильное предприятие является спонсором этого коллектива. И я видел в том зале лица молодых ребят, которые слушали музыку, классику. Высокое искусство воспринимают все.

— Юрий Мефодьевич, я согласна, что наши работники культуры заслуживают лучшей участи и лучших условий жизни, но ведь вам могут возражать, что и другие люди тоже живут в ужасных условиях. Как тут быть?

— Во-первых, я против деления на рабочих, крестьян и интеллигенцию, я этого не понимаю. Это специально кто-то когда-то придумал для удобства, чтобы разбить всех на группы и держать на коротких поводках и тех и других... Когда говорят — сколько людей живут в подвалах! Понимаете, Рихтер не может жить в подвале! — Вы мне можете ответить, почему?

— Потому что он гений.

— Вот! Так же и любой художник. Вот я не могу нарисовать эту картину, а он не может так сняться в кино, как я, — вот вам и вся штука! Значит, есть люди, которые могут что-то такое, чего не могут другие, и это приносит радость многим и многим любителям искусства. Но их ведь очень мало, в искусство идут не сотни, а единицы, и тут не должно быть уравниловки... Ведь почему сейчас так много людей уезжает? Это вопрос сложный... Я вам приведу свой пример, хотя я не уехал и не ушел.

Было это много лет назад, я, правда, уже снялся в «Адъютанте», была популярность, но был я еще довольно молод и что ли...

— Не избалован...

— А я и сейчас не избалован, не в этом дело. Одним словом, я впервые в жизни написал заявление в профком своего любимого родного театра, чтобы мне для дочки дали путевку на юг. У нее болело горло. Было еще несколько заявлений. И мне путевку не дали. Дали дочке нашего администратора, который проработал в театре всего года 3—4, а я уже лет пятнадцать.

Через год его вообще убрали из театра, потому что он совершил неблагородный поступок... А я стал художественным руководителем. Было мне обидно тогда еще и потому, что я эти путевки доставал.

Уравниловки не должно быть, и должны быть условия для творчества, т. е. закон! Должна быть объективность, беспристрастность и поддержка всего талантливого.

Я за то, чтобы развивались все виды искусства и чтобы выбирал зритель. Сама жизнь все расставит на свои места, что-то будет умирать, что-то

останется, пусть люди разберутся. Нельзя приказывать и командовать, мы уже пробовали. Но я и против коммерциализации культуры. Этого не должно быть. В Законе о культуре это нужно учитывать. С этим вопросом связан и еще один — должны быть сняты налоги с учреждений культуры и с тех спонсоров или, как раньше говорили, меценатов, которые вкладывают средства в культуру. Ведь это движение началось с России, и теперь мы снова должны вернуться к этому. Сейчас это может культуру спасти. Я на это рассчитываю.

— Мы говорим, что нужно защищать деятелей культуры, это так, но вот кто же защитит нас, зрителей, слушателей, от того потока агрессии, злобы, откровенных калых-то низменных сторон жизни, от серости и бездуховности, которые лавиной обрушились на нас? Ведь все же как с цепи сорвались, и не видно этому конца, кто же будет «снять разумное, доброе, вечное»? Надо же с этим что-то делать!

— Я с вами согласен, это серьезная проблема, но я предложить пока ничего не могу. У каждого народа есть свои нравственные нормы, традиции, свои этические и религиозные устои, которые веками формировались, и вот это, мне кажется, должно помочь. Надо развивать и поощрять национальное искусство, культуру каждого народа, в том числе и русского. Ведь у нас в России множество областей со своими традициями, даже разные религии, по-разному одеваются, по-разному говорят, по-разному поют и танцуют и т. д. Одно время у нас в России стали об этом забывать, и вот теперь, пока еще не поздно, мы должны по крупницам это собирать. Пока еще есть такие люди. А вообще у меня мечта — создать центр русской культуры, где были бы представлены все виды искусства и культуры разных уголков России.

— Недавно я разговаривала с одной актрисой, и она мне сказала: «Какой театр, когда людям есть нечего?» И такие настроения у деятелей культуры я замечаю не в первый раз. Они ни во что не верят, и у них опускаются руки. Что с этим делать?

— Ну вот видите, а у меня не опустились руки, я взялась. Я надеюсь, что большинство деятелей искусства активно работают. Да, бывают сомнения, но ты как бы переступаешь через них и работаешь. Ведь когда занимаешься любимым делом — все остальное уходит на второй план. Наверное, я идеалист, но меня так учили, причем не совсем плохие люди: я учился у В. Н. Пашенной. Это была гениальная актриса и замечательный человек. Сильный. Я очень ее люблю.

Она в нас вселила какую-то необыкновенную веру в профессию, в нужность, в значимость! Она говорила: «У вас будут неудачи, у вас будут проколы в жизни, а чтобы не сломаться, чтобы спастись, нужно все отдавать своему делу. Всегда ищите выход из своих неудач, никогда не сдавайтесь». И мы пытались не сдаваться, хотя не всегда все было хорошо. Я имею в виду себя — у меня были годы, когда работы в театре не было, можно было сломаться. Но я искал выход и находил его всегда, потому что очень любил свое дело и очень хотел заниматься этой профессией.

В нашей профессии и вообще в искусстве надо уметь выжить, уметь не поддаться, не сломаться. Все сразу видят: «Этот еще трепыхается!» И к этому человеку уже другой подход, другое отношение.

— Сейчас у вас такая же ситуация: либо — либо!

— Да, совершенно верно, у меня ситуация такая... До сих пор зрители видели только одну сторону медали, исполнительскую, а теперь они будут видеть и другую — министерскую. В нашем деле так много дыр, что заштопать все, сделать все невозможно, я отдаю себе в этом отчет. Даже если я сделаю одну десятую того, что надо бы сделать, это будет сделано на пользу, в конечном счете результат должен сказаться. А что я все не смогу сделать, так это ясно... Кого-то моя деятельность не будет устраивать, кому-то не

буду нравиться. Ну, извините! Но не по справедливости я не должен поступить, это исключено. И в моем театральном коллективе есть люди, которым я не нравлюсь. Это нормально. Но есть и люди, на которых я могу опереться, мои единомышленники. Я вообще верю людям. Скорее могу выругаться, накричать, когда я вижу, что человек совершил что-то явно недостойное, но в трудную минуту протяну ему руку помощи, даже если человек сделал мне что-то очень симпатичное. Не помочь и пройти мимо, считаю недостойным.

— Вы умеете прощать людей?

— Да, но не всех. И не мщу. Это исключено. Просто у меня остается рубец, и с этим человеком стараюсь больше не общаться, т. е. он мне становится неинтересен. И все же если буду видеть, что этот человек погибает, я к нему пойду. Таких случаев у меня было много. Может быть, я идеалист, но я по-другому поступать не могу.

— Юрий Мефодьевич, у вас хорошая семья, вас там понимают?

— Да, хорошая, меня там понимают. Вот я здесь выгляжу таким спокойным, даже, кажется, с юмором (удивительно, что еще с юмором!). Дома я другой. Дома я срываюсь очень часто. Просто как нормальный человек. Если бы я не срывался, то давно был бы в психбольнице. Особенно в эти два года, что я руковожу театром. Бог награждает меня темпераментом. Мне очень трудно бывает сдерживаться. Чтобы вести себя в рамках, надо постоянно контролировать себя, а это очень трудно. Когда мне в театре говорят (нарочно, бывает, чтобы взвинтить): «Вы раньше так себя не вели!» — я сразу могу взвиться под потолок! Потому что они ведь знают, что я каким был, таким и буду, и ничто меня не изменит...

И вот за день копишь-копишь напряжение, приходишь домой — и наступает разрядка. К счастью, дома это воспринимается нормально. И все как-то так рассасывается...

— А есть что-то, что вам помогает, что вас успокаивает?

— Есть. Я очень люблю животных, очень люблю собак. У меня в семье все любят животных. Так сложилось, что мы подбираем собак, кошек с улицы — у нас все животные с улицы, мы ни одного не купили и не продали. Это достоинство моей семьи.

У меня был сложный момент в жизни, когда я снимал на ТВ «Царя Федора». Эта роль очень дорога мне. Я видел, что-то там не получается, работали мы по десять часов, и я там взвизгивался, ругался, доказывал, а когда приходил домой, буквально валился на пол. А у меня как раз жили две кошки, и у них были котят — 11 штук! Вот жена видела, что разговаривать со мной сейчас нельзя, и она специально подползла ко мне, котята, всех! Лежу на полу, они начинают по мне ползать, я ухожу в них и как-то успокаиваюсь. И только потом я узнал, что англичане открыли: кошки забирают ненужную энергию! А иногда бывает так: я приду домой, кошка прыгнет на колени, я ее поглажу — я вжик! вжик! — разряды идут от меня, и она с криком летит!

Ну а с собакой я просто разговариваю. Умнейшее существо! Она все понимает. Иногда я ей рассказываю то, что не могу рассказать никому, потому что знаю, что она все поймет и никому не расскажет. Как в рассказе Чехова, которого я очень люблю.

— Юрий Мефодьевич, если возвратиться к проблемам нашей российской культуры, к вашим министерским делам, — что или кто вам сейчас может помочь?

— Мне могут помочь только люди. Не случайно, выступая в программе «120 минут», я сказал, что жду ваших сигналов. Я должен понять, что делается везде — от Москвы до Владивостока. Я пришел сюда, чтобы помочь, но для этого должен знать правду, должен получать с мест честную информацию. Либо мы выиграем все вместе, либо мы проиграем. Мне хочется думать, что мы выиграем. Во всяком случае, я для этого сделаю все, что в моих силах.

ВЕЧЕРОМ Юрий Соломин вышел на сцену Малого театра в роли Николая II в спектакле «И из вождя». Вышел для того, чтобы, как всегда, нести со сцены добро, чтобы сделать нашу серую, тяжелую жизнь хоть немного светлее и чище.

Беседу вел
Т. МИХАЙЛОВА